

Сидя высоко в башне верной “Адской гончей” капитан Блейн Хокинс с раздражением наблюдал за погрузочными операциями 71-го Каданского (отдельного соединения). Его солдаты достаточно часто путешествовали из одной зоны боевых действий в другую, чтобы группа обеспечения управляла передислокацией целого полка, как правило, с определённым изяществом. Перемещение десяти рот должно было стать детской прогулкой.

Но сейчас они впервые загружались на корабль Механикус.

Между подразделениями Гвардии и экипажами транспортных судов Флота, которые их перевозили, существовало воинственное сотрудничество, но никакие подобные узы — к счастью или нет — не прослеживались между кадианцами и логистами Адептус Механикус. Почти сто единиц бронетехники застряли на посадочной палубе, их двигатели сотрясались и заполняли воздух душными синими выхлопными газами, пока офицеры снабжения Кадии и палубная погрузочно-разгрузочная команда Механикус спорили, как наилучшим образом распутать “пробку”.

Его водители отлично маневрировали в причальных трюмах, но логисты Механикус считали иначе. Не потребовалось много времени, чтобы часть подразделений запуталась, а несколько единиц техники неизбежно столкнулись. В последовавшей анархии “Леман Русс” потерял трак, а пара “Адских гончих” врезалась в бок, потому что каждый водитель получил противоречивые приказы.

— Император разрази, планировалось, что мы уже должны оказаться в причальном ангаре, — выругался он, вылезая из люка и болтая ногами над передней башенкой танка. Молодо выглядящий и неопытный по стандартам других полков для звания капитана, Хокинс заработал свои нашивки, как воин и командир, ещё до того, как покинул освещённую фиолетовым сиянием Кадия и только укреплял репутацию стойкого и компетентного офицера за годы прошедшие после того, как он навсегда оставил родную планету.

Он спрыгнул на палубу, чувствуя сквозь подошвы ботинок гул двигателей могучего корабля. Хокинс привык к масштабам транспортов Флота, но “Сперанца” оказалась во много раз больше любого судна, где швартовались он или его люди. У каждого космического корабля был свой особый звук, своя особая атмосфера и свой особый запах. Он помнил “Свет Тора”, где стояла сильная вонь фуцелина и миндаля с тех пор, как на нём перевозили артиллерию. “Лазурный Ореол” всегда отдавал влажным пермакритом, а трюмы и палубы “Надежды Маддокса” по непонятной причине изобиловали влагой, словно таяла сама надстройка.

Он спрыгнул на палубу, чувствуя сквозь подошвы ботинок гул двигателей могучего корабля. Хокинс привык к масштабам транспортов Флота, но “Сперанца” оказалась во много раз больше любого судна, где швартовались он или его люди. У каждого космического корабля был свой особый звук, своя особая атмосфера и свой особый запах. Он помнил “Свет Тора”, где стояла сильная вонь фуцелина и миндаля с тех пор, как на нём перевозили артиллерию. “Лазурный Ореол” всегда отдавал влажным пермакритом, а трюмы и палубы “Надежды Маддокса” по непонятной причине изобиловали влагой, словно таяла сама надстройка.

Он опустился на колени и положил ладонь на настил палубы, чувствуя колоссальную

внутреннюю силу корабля, низкий гул невероятной мощи и возраст. Этот корабль был старым, старше даже судов Флота, которые ходили тысячи лет. Полковник Андерс намекнул, что киль корабля заложили ещё до древнего крестового похода за воссоединение раздробленных миров человечества, но не стал уточнять, откуда узнал эту подробность.

Хокинс не сомневался, что он прав. Нерушимая сила покоилась в древних костях судна, и всё же, несмотря на очевидный возраст в корабле присутствовало кое-что новое, скрывавшееся в невообразимом масштабе. “Сперанца” излучала приветствие, поэтому возможно неразбериха с застрявшей техникой не была дурным предзнаменованием, как опасался капитан Гвардии.

— Рей, давай сюда, — крикнул он, зная, что адъютант где-то поблизости. Тайбард Рей был опытным лейтенантом полка, самым крепким в роте и человеком, без спокойного присутствия которого, возможно, дрогнули бы многие боевые порядки. Хокинс выпрямился в полный рост, когда Рей показался из-за работавшей на холостом ходу “Химеры”, его форма уже успела помяться и испачкаться. Капитан заметил, как недавно поглаженный мундир пошёл складками и выглядел, словно за время путешествия от казарм до плаца Рей успел побывать в бою.

— Чёртовы Механикус влезли не в своё дело, если я правильно вижу? — сказал Рей.

— Похоже, — согласился Хокинс.

— Полковник уже на борту?

— Надеюсь, что нет, — ответил Хокинс, направляясь сквозь толчею понабившейся бронетехники к источнику столпотворения. — Я хочу распутать это, прежде чем он увидит чёртову давку.

— Удачи, — сказал Рей. — Я только что оттуда. Три танка закупорили туннель к причальному трюму, а остальные таранят их застрявшие задницы. Потребуются несколько часов, чтобы распутать всё.

— Где Коллинс? Считается, что его держат именно для таких случаев.

— Ругается с логистами Механикус. Не самое приятное зрелище.

— Не сомневаюсь.

— Помните тот случай с зелёнокожими и огринами на Пеолосии? Где они просто стояли и молотили друг друга, пока все не попадали? Это, похоже, только не столь изящно.

Хокинс выругался, осторожно пробираясь между застрявшими средними танками “Леман Русс”, работавшими на холостом ходу “Саламандрами” и “Адскими гончими” с символикой полка. Он двигался на звук спорящих голосов, и его терпение истончалось с каждым шагом.

Блейн поднырнул под спонсоном “Кулака Касра”, “Леман Русса Разрушитель” с многочисленными отметками уничтоженных врагов на испещрённом отметинами корпусе. Танк всё ещё оставался в городском камуфляже разрушенных промышленных пустошей Бактара-3, его правую лазерную пушку зажал корпус “Гордости Крида” и несколько удерживающих её заклёпок уже согнулись от давления.

— Полковнику это не понравится, — сказал Рей, рассматривая разошедшиеся швы вдоль края спонсона.

Перед танком темноволосый интендант спорил с несколькими логистами Механикус в ярких мантиях и большим машинным черепом. Жрецы размахивали зелёными светящимися палочками и раздражённо выкрикивали приказы усиленными воксом голосами, но кадианский офицер не оставался в долгу. Майор Ян Коллинс стоял в центре спора и Хокинс не завидовал логистам, испытавшим полную силу его гнева. Он видел, как полковники и генералы отступали, поджав хвост, перед лицом прямой процедурной злости Коллинса.

Разумеется, у низкопоставленных жрецов Механикус не было шансов?

Коллинс был суровым ветераном из касра Файн, серьёзным офицером снабжения, который врождённым чутьём понимал оперативные потребности полка. Ни разу за годы службы Хокинс не знал, чтобы у любого из подразделений 71-го закончились боеприпасы, продовольствие или любые иные важные запасы. Рассчитать истощение припасов — искусство сродни бухгалтерии, и Коллинс как никто другой понимал чудовищный аппетит войны.

— Чего ждём, майор? — спросил Хокинс, приводя в порядок бледно-серый мундир.

Коллинс вздохнул и раздражённо махнул рукой на логистов. Как майор он формально был вышестоящим офицером Блейна, но у кадианцев боевые звания часто считались главнее при прохождении действительной военной службы.

— Эти идиоты пытаются направить нас по весу и размеру, — сказал Коллинс, почти выплёвывая слова. — Сначала они хотят пустить тяжёлую технику.

— Чтобы лучше распределить накопленную грузоподъёмность, — произнёс логист, человек в мантии с металлическим лицом и когнитивной аугметикой в боку черепа. Он держал поцарапанный инфопланшет, по которому постукивал заострённым стилусом. — Корабль Механикус необходимо загружать по специальному образцу массового распределения, чтобы обеспечить оптимальную инерционную компенсационную эффективность.

— Я понимаю, — ответил Коллинс. — Но если вы направите первой тяжёлую технику, то это замедлит высадку. Она загружается последней, чтобы выгрузиться первой. Это базовое правило войны. Послушайте, почему бы вам не позволить большим мальчикам, которые и в самом деле разбираются в войне, загружать технику как мы хотим, и всем станет только лучше.

— Вы исходите из ошибочного предположения, — возразил логист. — Заверяю вас, что учитывая погрузочно-разгрузочные протоколы Механикус и скоростные поезда наши процедуры быстрее ваших.

Коллинс повернулся к Хокинсу и раздражённо вскинул руки. — Видишь, с чем приходится иметь дело?

— Дай мне взглянуть, — сказал Блейн, протянув руку к инфопланшету логиста.

— Капитаны Гвардии не уполномочены изучать протоколы Механикус, — ответил тот.

— Просто передай ему чёртов планшет, — произнёс голос за спиной Хокинса и каждый кадианец в пределах слышимости стал “смирно”. — Я обладаю властью и хочу, чтобы с этой проклятой “пробкой” немедленно разобрались. Понятно?

Из спутанного узла бронетехники показался полковник Вен Андерс, великолепный в своей серой форме и почти неотличимый от обычного гвардейца. Только бронзовые значки звания на накрахмаленном воротнике мундира и манжеты тонкой работы хоть как-то указывали, что перед ними старший офицер. Его тёмные, короткостриженные волосы скрывала фуражка, а привлекательное аристократическое лицо светилось красотой, которую можно было получить только хорошими манерами и правильным питанием.

За ним следовали два комиссара, на фоне небрежной простоты униформы полковника их чёрные плащи и мерцающие фуражки выглядели поношенными и потрёпанными. Блейн не знал их, обоих прислали после смерти комиссара Флориэна, но он подсознательно вытянулся немного сильнее при их приближении.

Логист немедленно передал планшет и Хокинс быстро просмотрел целую кучу информации: нормы погрузки, причальную вместимость и скорость подъёмников. Хотя большинство данных оказались слишком сложными для поверхностного обзора или лишними для него, он понял, что, скорее всего, система Механикус будет быстрее подхода кадианцев.

— Ну? — спросил Андерс.

— Выглядит хорошо, — ответил капитан, протягивая планшет Коллинсу. — В большинстве случаев я согласился бы с предложением майора, но думаю, на этот раз нам стоит уступить.

Коллинс просмотрел инфопланшет и Хокинс увидел неохотное согласие с его словами, когда майор произвёл подсчёты.

— Вы и в самом деле можете переместить танки так быстро? — спросил интендант.

— Это пределы эффективности с максимальным допуском, — объяснил логист. — Для не

принадлежащих Механикус грузов мы предусматриваем уменьшение дополнительного времени для процедур диспергирования.

— Он прав? — уточнил Андерс. — Они способны загрузить нас быстрее?

Коллинс вздохнул. — Да, если смогут придерживаться этого ритма.

— Мне этого достаточно, — сказал полковник, забрав планшет у Коллинса и вернув логисту. — Можешь продолжать, жрец. Делай то, что должен, чтобы разместить мои танки. Сколько потребуется времени, чтобы закончить погрузочные операции?

Логист не ответил, позади его глаз замерцал блестящий информационный свет.

— Сорок шесть минут, — сообщил он, когда свет погас. — Я только что загрузил статистическую схему траекторий движения от магаоса Блейлока, которая позволит с минимальными усилиями расцепить технику, если вы разрешите моим людям работать беспрепятственно.

— Выполняй, — сказал Андерс, обращаясь, как к собственным солдатам, так и к жрецам Механикус. — У тебя есть моё слово, что ты получишь полное содействие во всех вопросах от каждого кадианского пехотинца, танкиста, огнемётчика и сапёра под моим командованием.

Логист коротко кивнул и выпалил серию приказов палубной погрузочно-разгрузочной команде на стаккато машинного языка. Сразу же сверху с высоких перекрытий опустились навесные краны, собираясь поднять бронетехнику, которая мешала остальным двигаться. Хокинс, Рей, Андерс, Коллинс и оба комиссара торопливо отошли в сторону, восхищённо наблюдая, как гордиев узел застрявшей техники начал постепенно превращаться в поток грохочущих военных машин. “Адские гончие”, “Леман Руссы”, “Часовые” и множество другой техники грохотали к местам назначения.

— О'кей, они неплохи, — признал Коллинс.

— Хорошо, а теперь, пока нашу технику загружают, давайте займёмся нашими людьми, — сказал Андерс. — Думаете, мы сможем справиться с этим, не опоздав?

— Так точно, сэр, — ответил Хокинс.

— Хорошо, выполняй, Блейн, — приказал полковник. — Архимагос Котов ждёт, и я не могу застрять здесь, заботясь, чтобы у каждого солдата была койка.

— Никак нет, сэр, — заверил его Хокинс. — Мы будем на месте, прежде чем вы вернётесь, закончившие дела и готовые выполнять приказы.

— Хорошо, убедись в этом, — сказал Андерс. — Дай им час передохнуть, а затем займись строевой подготовкой. Я хочу, чтобы всё было на пять баллов, прежде чем мы покинем орбиту. Это ясно?

— Кристально, — ответил Хокинс.

— Прошу прощения, полковник Андерс, — начал Рей. — То, что мы слышали и в самом деле правда?

— Что ты слышал, лейтенант?

Рей пожал плечами, словно неожиданно расхотел спрашивать из опасения выглядеть глупо.

— Что мы будем сражаться рядом с космическими десантниками, сэр.

— Вижу сарафанное радио работает на полную.

— Но это правда, сэр?

— Насколько я понял, лейтенант. Космические десантники Чёрных Храмовников, хотя я не видел и не слышал никаких подтверждений.

— Чёрные Храмовники... Думаю, в этом есть смысл. В конце концов, мы ведём крестовый поход в неизведанный космос, ведь так? Да, мне нравится, как это звучит. Мы — чёртовы крестоносцы.

Полковник усмехнулся и быстро отдал честь офицерам, прежде чем направиться в сторону одного из транспортно-пересадочных узлов посадочной палубы, где похожие на пули капсулы ожидали, когда сядут или выйдут пассажиры, прежде чем помчаться сквозь "Сперанцу" на невероятной скорости.

Когда Андерс ушёл Хокинс сказал. — Вы слышали полковника, у нас десять рот усталых и раздражённых солдат, которые должны отдохнуть и быть готовыми к строевой и осмотру. Коллинс, Рей, проследите за этим. Механикус возможно и превосходят нас, когда дело касается перемещения оборудования, но будь я проклят, если они повторяют это, когда дело дойдёт до передвижения солдат.

Он щёлкнул пальцами.

— Выполнять!

Дым благовоний окутал сокровенное святилище скоростного ударного крейсера “Адитум”. Знамёна, свисающие с широких сводов окружающих галерей, слегка покачивались, когда под ними проходили воины. Шесть Чёрных Храмовников, облачённые в броню насыщенного чёрного и чистейшего белого цветов, шли вдоль нефа к большой алтарной плите в его конце. Факельный свет отражался от изгибов доспехов и мелькал в резких гранях глаз.

Перед алтарём подобно обсидиановой статуе стоял гигантский воин в громоздкой терминаторской броне, большие плечи украшала выделанная шкура огромного дракона, убитого им в первом крестовом походе. Золотой орёл расправил крылья на широкой груди, где лежала золотая и серебряная розетка с кроваво-красным драгоценным камнем на сердце.

Грозный шлем, изготовленный в виде белого черепа с угольно-красными глазными линзами, был застывшей в гримасе ужаса посмертной маской, которая стала последним, что бесчисленные враги Императора видели перед гибелью. Одной из огромных латных перчаток колосс сжимал большую булаву с орлиными крыльями, орудие смерти и одновременно символ звания.

Это был реклюзиарх крестового похода Шрама, и звали его Кул Гилад.

Шесть Храмовников остановились перед ним и преклонили колени. В руках они несли шлемы, пять чёрных и один белый, а затем склонили головы, когда реклюзиарх вышел из святилища по белым мраморным плитам. Прислужники и неофиты в мантиях показались из-за алтаря, запели гимны битвы и славы, и встали по обе стороны от Кул Гилада. Большинство являлись сервами-прислужниками ордена, но один был неофитом, и он нёс самый почитаемый артефакт на борту “Адитума”.

Переодетый и лишённый всех знаков отличия, дабы оружие, которое он держал, не узнало его имя, неофит сжимал огромный меч. Клинок защищали прочные чёрные ножны из сплава неизвестного за пределами склонов горы Олимп. Обёрнутая кожей рукоять, заканчивалась расширившимся крестом — символом ордена и навершием с обсидиановым шаром, обрамлявшим блестящий гранат. С рукояти свисала длинная цепь, ожидавшая, когда её прикуют к воину, которого выберут владельцем меча.

Храмовники заняли свои места перед реклюзиархом, вокруг кружился божественный ладан, ещё больше фигур показались из крытых галерей. Каждая несла часть доспеха: нагрудник, наголенник, наплечник, наруч. Пение невидимых хоров присоединилось к священнейшему моменту, сто голосов рассказывали о великих деяниях, благородных победах и нерушимом долге.

— Вы клинок Императора, который разрушает ночь, — произнёс реклюзиарх.

— Мы свет пламени, которое изгоняет тени, — ответили шесть воинов.

— Вы месть, которая никогда не познает покоя.

— Мы верны первому долгу Адептус Астартес.

— Вы огонь правды, который сияет ярче всех.

— Так пожелал примарх, и да будет так.

— Император даровал вам силу и праведную цель.

— С ними мы несём гибель нашим врагам.

— Ваша честь — ваша жизнь!

— Не позволяй никому усомниться в этом!

Реклюзиарх опустил пальцы левой руки в жаровню с тлеющим пеплом, которую нёс на спине прислужник в капюшоне, и стал двигаться между коленопреклонёнными воинами. Хотя каждый из них был генетически усовершенствован, чтобы превосходить любого смертного воина, Кул Гилад в древнем терминаторском доспехе затмевал их всех. Он мазал на их лбах чёрный пепельный крест, шепча слова, находившие отклик в душе каждого Храмовника.

Бородатый Танна, сержант отделения, решительный и непреклонный в своей преданности.

— Сталь Дорна в твоих костях.

Ауйден, символ надежды отделения.

— Храбрость Сигизмунда течёт в твоём сердце.

Иссур Мечник, вдохновение для всех них.

— Сила эпох станет твоей.

— Варда, вопрошающий, для которого все тайны источник радости.

— Ты несёшь душу всех нас.

Браха, вернувший шлем крестоносца павшего Элия у Врат Дантиума.

— Честь Терры будет твоей.

Яэль, юноша, сам Хелбрехт назвал его достойным внимания воином.

— Хорошо запоминай уроки битвы, ибо их преподают всего раз.

Невидимые хоры повысили темп, и разноголосица их песнопений наполнила святилище гимнами восхваления Императора и Его сыновей. Ядовитый ладан, способный убить смертного за один вдох, клубился над полом, словно туман над болотом, и каждый воин всматривался во мглу, думая о наследии бывшего героизма, славных крестовых походах предшественников, свитках выигранных битв и убитых врагов. Быть достойным такого прошлого нелегко и не все способны вынести столь тяжкое бремя.

Но больше всего они думали о позоре Дантиума.

Битва проиграна... чемпион Императора убит...

И рок, который не оставлял их мысли с того дня...

Реклюзиарх вернулся к алтарю, а Храмовники глубоко вдохнули насыщенный химикатами дым, лёгкие космических десантников наполнились тайнами, зашифрованными в его молекулярной структуре. Только гено-кузнецы “Вечного Крестоносца” ведали о происхождении ладана, и только их удивительная алхимия могла его воспроизвести.

Кул Гилад внимательно смотрел на воинов перед собой, каждый из них был создан тысячами лет истории и забытым искусством генетики. Лучшие и храбрейшие в Империи, сила и честь врезались в саму их суть. Пугающие потери на Дантиуме потрясли их до глубины души, но этот крестовый поход станет шансом вернуть честь, подтвердить свою значимость перед верховным маршалом и избавиться от злости, поселившейся в них. Совместная кампания с Адептус Механикус станет ни наказанием, ни епитимьей, а искуплением.

Похожие на призраки образы могучих воинов замерцали на периферии зрения Кул Гилада, но он проигнорировал их, узнав наркотические фантомы, чем они и были. Видения больше никогда не коснутся его, но один среди его паствы, конечно же, ощутит растущую внутри силу Золотого Трона. Он не мог знать, кого коснётся Император, поскольку никто не мог постичь сложность и неуловимые нюансы Его воли. Кул Гилад всматривался в лица воинов, выискивая малейший признак реакции на вызывающий фугу туман, но не увидел ничего, кроме стоической решимости начать последний крестовый поход в неизвестное и восстановить честь.

Похожие на призраки образы могучих воинов замерцали на периферии зрения Кул Гилада, но он проигнорировал их, узнав наркотические фантомы, чем они и были. Видения больше никогда не коснутся его, но один среди его паствы, конечно же, ощутит растущую внутри силу Золотого Трона. Он не мог знать, кого коснётся Император, поскольку никто не мог постичь сложность и неуловимые нюансы Его воли. Кул Гилад всматривался в лица воинов, выискивая малейший признак реакции на вызывающий фугу туман, но не увидел ничего, кроме стоической решимости начать последний крестовый поход в неизвестное и восстановить честь.

Когда это началось, то началось неожиданно.

Варда встал, обращаясь к чему-то, что не видел никто кроме него. Его глаза широко распахнулись, а рот открылся от изумления. По щекам побежали слёзы от вида чего-то восхитительного или ужасного. Он шагнул на дрожащих ногах к алтарю, пытаясь схватить руками нечто невидимое.

— Я вижу... — произнёс он. — Его красота ужасна... Я знаю... Я знаю, что должен сделать.

— Что ты должен сделать? — спросил Кул Гилад.

— Убить оскорбивших Императора, — ответил Варда, в его голосе появился мечтательный тон. — Я должен убить их всех, омыть клинок в крови нечестивых. Где мой меч? Где мой доспех...?

— Они здесь, — ответил реклюзиарх, довольный, что выбор пал на Варду. Он кивнул скрывавшимся в крытых галереях фигурам, и они подвое вышли вперёд, один нёс кусок брони, другой с пустыми руками. Они окружили Варду и сняли с него доспех по частям, оставив Храмовника только в сером нательнике. Мощь тела Варды чувствовалась даже без брони. И как только они лишили его старого доспеха, то начали облачать в новый.

Когда каждый элемент украшенной позолотой великолепной брони закрепили на его теле, показалось, что Варда вырос, заполнив её очертания, словно она была сделана для него и только для него. Наконец Храмовника облачили с ног до головы в древний доспех веры, и остался только овитый венком из слоновой кости шлем. Варда встал и возложил его на себя, защёлкнув на месте и протянув руки в ожидании.

— Вооружи его, — сказал Кул Гилад и стоявший рядом с ним неофит направился к изумлённому воину.

Варда шагнул навстречу, и юноша в страхе отпрянул.

— Быстрее, парень! Дай ему меч, — рявкнул реклюзиарх. Не было тайной, что воин в подобном состоянии фуги мог убить любого, кто приблизится к нему, приняв за врага. Только меч приведёт его в чувство. Неофит протянул тёмные ножны Варде, который судорожно выдохнул и опустился на колени перед юношей. Он вскинул голову, словно увидел нечто большее, чем обычный меч.

— Дай его мне, — сказал он, и неофит протянул ножны рукоятью вперёд.

Варда обнажил оружие, вечно острое лезвие выглядело абсолютно чёрным, а по всей его длине выгравировали филигранную надпись на витиеватом готике Империаума. Клинок был слишком длинным и тяжёлым для любого смертного солдата, рукоять подходила как для одноручного, так и для двуручного хвата. Кул Гилад подошёл к Варде и взял свисавшую цепь.

Он обернул её вокруг запястья воина и пристегнул к латной перчатке.

— Чёрный меч твой, — сказал Кул Гилад. — Его нельзя отстегнуть, нельзя отдать и нельзя вложить в ножны, не пролив крови. Только после смерти он перейдёт к другому владельцу.

Реклюзиарх положил руку на шлем Варды.

— Встань, чемпион Императора, — сказал он.

Поезд на магнитной подушке или маглев представлял собой лишённую трения транспортную систему, которая раскинулась извилистыми маршрутами внутри “Сперанцы”, словно сеть кровеносных сосудов, пронизывающих живое существо. Серебряные узкие рельсы вспыхивали электромагнитными полями, когда капсула-вагон преодолевала расстояние между переборками на головокружительных скоростях, от которых сердце Робаута прыгало. Только поле центробежного гашения внутри купе не позволяло невероятной перегрузке расплющить их. Адара и Эмиль сидели по обеим сторонам стазисного сундука во второй половине похожего на капсулу салона, наблюдая сквозь запотевшее стекло за невероятными видами, пронесившимися мимо на умопомрачительной скорости.

Магос Павелька и технопровидец Силквуд устроились за ними, а Блейлок управлял маглемом с помощью кабеля нейронной связи, подсоединённого к разъёму под затылочной частью капюшона. Свита низкорослых прислужников сидела на корточках у его коленей, словно хорошо воспитанные дети. Два магоса Тихон — отец и дочь (хотя в голове Робаута не укладывалось, как такое могло произойти) — сидели за Блейлоком.

— Видишь? — спросил Эмиль. — Вот как ты перемещаешься по кораблю такого размера. Не нужны никакие телепорты.

— “Сперанца” оборудована множеством телепортационных камер, — сказал Блейлок. — Предназначенными как для внешнего, так и для внутреннего использования, хотя перемещение с их помощью внутри корабля признано нерациональным и применяется только в чрезвычайных ситуациях.

— Приму к сведению, — сказал Адара, повернувшись к сидевшей сзади Силквуд. — Есть шанс приспособить что-то вроде маглева на “Ренарде”?

Силквуд рассмеялась. — А зачем? Ты можешь пешком дойти от одного конца до другого, даже не вспотев.

— Ты можешь, — возразил Адара. — У тебя аугметические ноги.

Технопровидица улыбнулась и отвела взгляд, восхищаясь грандиозной промышленной архитектурой, заключённой в корпусе “Сперанцы”. Они уже миновали дымящие

очистительные заводы, химические хранилища, освещённые пламенем храмы Машины, бараки скитариев, лабораторные палубы, тренировочные арены, огромные электростанции с генераторами величиной с небоскрёб, катушки которых шипели кольцами синих молний, и сооружения размером с дом, по словам магаоса Блейлока, это были вольтовые конденсаторы, способные в течение месяца обеспечивать энергией механические функции ковчега.

Высокий ангар для техники вмещал многочисленные колоссальные кафедральные соборы промышленности, установленные на гусеничные агрегаты размером с жилой блок, строительные машины, способные возвести город менее чем за день, и разрушительные машины, способные сравнять с землёй средний улей в два раза быстрее. Отсек за отсеком заполняли свёрнутые гелиоприёмники, сложенные гармошкой наподобие волнистых полей из чёрного стекла, обвитого замысловатыми зубчатыми механизмами и циклическими дугами изолированных силовых реле.

Один из ангаров оказался столь огромным, что потребовалось несколько секунд, чтобы пересечь его, но в этот момент Робаут и экипаж “Ренарда” сумели мельком увидеть самые могучие военные машины Адептус Механикус.

Боги-машины Легио Сириус высадились на борт “Сперанцы”. Ссутулившись подобно согнувшимся от возраста гигантам, они, осторожно ступая, показались из своих транспортов. Каждый титан был высоким мастодонтом уничтожения, олицетворением Бога Машины в Его аспекте разрушения.

— Титаны! — закричал Адара, прижавшись к стеклу при виде колоссальных машин.

Один гигант с расправленными плечами и ногами, напоминавшими башни хабов, — “Владыка войны” — затмевал остальных, покрытые бронёй части серо-золотого корпуса двигались подобно замедленным континентальным плитам, пока он оглушительной поступью направлялся к транспортной колыбели. Такая машина могла в одиночку покорить планету, могла опустошать города и целые армии. Такая машина была достойна поклонения и не испытывала недостатка в приверженцах. Тысячи жрецов в мантиях наблюдали за погрузкой боевых машин Механикус, каждый из них являлся уважаемым служителем и преклонившим колени поборником этих передвижных храмов разрушения.

За “Владыкой войны” следовали меньшие титаны, словно охотничья стая: “Разбойник” и пара шагавших неровной походкой “Псов войны”. Они навели оружие надвигающийся маглев, сопровождая цель и угрожающе проревев из военных рупоров.

Титаны скоро скрылись из вида, и капсула миновала переборку толщиной в несколько метров, но почти сразу же пассажиры увидели ещё больше боевой мощи экспедиции Котова. Посадочная палуба кишела бронетехникой, попавшей в ужасную “пробку”. Сверхтяжёлые машины застряли вместе с основными боевыми танками, бронетранспортёрами и накренившимися шагателями, которые встали и начали двигаться в освободившееся пространство.

— Удачи разрулить этот беспорядок, — заметил Эмиль, перед тем как повернуться и поддеть Павельку. — Эй, Иланна, я думал, что Механикус не допускают подобных вещей.

Павелька посмотрела на безнадёжно запутавшийся механизированный полк.

— Они не Механикус, — сказала она. — Полковые маркировки указывают, что это 71-й кадианский “Адские Гончии”. По характеру рассеивания застрявшей техники ясно, что подразделения Гвардии не следовали протоколам, загруженным Механикус.

— Вы проникательны, магос Павелька, — сказал Блейлок. — Я только что произвёл статистический анализ застрявшей техники и переслал ответственному логисту. Хотите взглянуть?

Техножрица кивнула, и Робаут увидел, как позади её глаз замерцал свет, пока пакет данных незаметно передавался между двумя магосами. Губы Павельки растянулись в улыбке, когда она обработала загруженные схемы Блейлока.

— Мастерски, — произнесла она. — Кодовая последовательность алгоритмов движения — произведение искусства.

Робаут не видел лицо Блейлока, но изумрудный свет под широким капюшоном запульсировал бинарным признанием высокой похвалы Павельки.

Застрявшая техника скоро пропала из вида, маглев нёсся вперёд, и капитан увидел, что похожие на пещеры залы, которые он проезжали, становились всё более богато украшенными и всё менее функциональными. Голые сталь и железо уступали хрому и золоту, лязгающие механизмы — группам поющих размышляющих процессов. Сервиторы встречались меньше и реже, их заменили жрецы Механикус в мантиях и толпы свит.

Если только что они миновали внутренности “Сперанцы”, то теперь приближались к более высшим функциям, величественным храмам и местам священного знания.

— Кадианцы, а? — произнёс Адара, признательно кивнув. — Мы путешествуем в уважаемой кампании.

— Титаны? Кадианцы? Я начинаю задумываться, что этот Котов ожидает найти за Шрамом Ореола, — сказал Эмиль.

— Архимагос Котов также включил Адептус Астартес в экипаж эксплораторов, — добавил магос Блейлок. — Сам верховный маршал Хелбрехт направил боевое отделение прекрасных воинов, дабы действовать вместе с Марсом.

— В самом деле? — спросил Адара, широко открыв глаза и едва не лопнув от волнения.

— В самом деле. Соглашение между Духовенством Марса и Адептус Астартес — древний и уважаемый договор, — ответил Блейлок. — Верховный маршал понимает это.

— Космические десантники, — сказала Силквуд, откинувшись назад и зажигая палочку лхопаяльной трубкой, встроенной в металлический кончик пальца левой руки. — Я сражалась рядом с космическими десантниками. Хорошо, когда они на твоей стороне, но лучше не вмешивайся в их дела, Адара.

— О чём ты?

Силквуд наклонилась вперёд, поставив локти на колени и выпустив облачко синего дыма.

— Они не такие, как мы, — сказала она. — Они могут быть похожи на нас, но поверь мне, это не так. Скорее всего, они проигнорируют тебя, но если тебе не повезёт, ты можешь случайно оскорбить одного из них и словить масс-реактивный болт.

— Каирн права, — произнёс Робаут. — Держись подальше от космических десантников, если не хочешь неприятностей.

— Я думал, вы типичный представитель Ультрамара, для которого все космические десантники великие и благородные?

— Ультрадесант может быть и да, — согласился капитан. — Но даже они на шаг дальше от нас. Они думают не как мы. Если ты способен причинять боль и наносить вред, как космический десантник, ты начинаешь смотреть на всех с точки зрения, как лучше убить.

— Когда всё что у тебя есть — это болтер и цепной меч, всё похоже на цель, — добавил Эмиль.
— Робаут прав, если здесь есть космические десантники — держись подальше от них.

— Сейчас на борту только один Адептус Астартес, — сказал магос Блейлок. — Реклюзиарх Кул Гилад присоединился к нам, а его воины остались на “Адитуме”.

- “Адитуме”? — переспросил Робаут.

— Их корабль, модифицированный скоростной ударный крейсер, предназначенный для небольших экспедиционных сил.

— Не помню, чтобы видел опознавательный знак космических десантников на орбитальном полётном листе, — заметил Эмиль.

— Чёрные Храмовники предпочли оставить свой корабль в ноосферной тени, — пояснил Баллак даже не пытаясь скрыть отвращение от поступка Адептус Астартес. — Архимагос Котов

предоставил им некоторую степень... широты в соблюдении протоколов Механикус.

— Насколько мне известно, их воинские экспедиции называют крестовыми походами, — сказала Линья.

— Именно так, госпожа Тихон, — подтвердил Блейлок. — Хотя из-за связи с явно военной направленностью, которую такой термин может предать нашей экспедиции, архимагос Котов не склонен его использовать.

— Её титул — магос, — произнёс Виталий Тихон. — Я предлагаю вам использовать его.

— Разумеется, — согласился Блейлок, склонив голову в знак уважения. — Я использовал женское обращение просто, чтобы различать двух человек, которые обладают титулом магос Тихон.

— Госпожа Тихон — приемлемое обращение, — сказала Линья, приняв жест Блейлока.

Робаут усмехнулся и хлопнул Блейлока по плечу со всеми твёрдыми углами и щёлкающими суставами, пока маглев мчался к огромной золотой скале, отмеченной гигантским символом Механикус, рельефными механизмами, шестерёнками и множеством надписей на бинарном коде, восхваляющими Омниссию.

— Похоже, вы сегодня изо всех сил стараетесь оскорблять людей, Таркис? — сказал он.

— Вовсе нет, — ответил магос. — Возможно, смертным стоит узнать о нас столько же, сколько мне о них.

Робаут рассмеялся. — Думаю, мы с вами добьёмся немалых успехов.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657019>